

УТВЕРЖДАЮ
Первый проректор – проректор по научной работе
ФГБОУ ВО «РГГУ»
кандидат исторических наук, профессор

О.В. Павленко

«27» ноября 2020 г.

Отзыв ведущей организации
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
о диссертации **Парфенова Арсения Андреевича**
на тему «Правовая коммуникативная компетенция как содержание
правосубъектности», представленной на соискание ученой степени кандидата
юридических наук по специальности 12.00.01 – теория и история права и
государства; история учений о праве и государстве

Актуальность диссертационного исследования Парфенова А.А. сомнений не вызывает, поскольку разработка темы проведена в рамках коммуникативной теории права, многие аспекты которой требуют своего уточнения и дальнейшего развития. Автор, основываясь, главным образом, на идеях и постулатах коммуникативно-правовой концепции, вводит в научный оборот понятие правовой коммуникативной компетенции как содержания правосубъектности, предлагает технологию оценки уровня сформированности таковой компетенции у некоторых субъектов права. Суждения и выводы автора имеют междисциплинарный характер, раскрывают теоретико-правовые, организационно-педагогические и образовательно-методические аспекты темы. Правовая коммуникативная компетенция демонстрируется в работе в качестве дополнительного к правоспособности и дееспособности показателя правосубъектности, она определена как знание и умение субъекта права эффективно использовать язык для понимания и формулирования правовых текстов, его использования в правовой коммуникации (с.11). Механизм оценки сформированной правовой коммуникативной компетенции раскрыт посредством описания процедуры лингводидактического

тестирования, которое в России на современном этапе осуществляется на федеральном и региональном уровнях, имеет свои достоинства и недостатки. Сравнительно-правовой анализ законодательства, программ и процедур тестирования, принятых в Российской Федерации и зарубежных странах, позволил автору высказать ряд практических рекомендаций, направленных на дополнение и уточнение положений отдельных российских законов и иных нормативных правовых актов, а также предложить способы и средства совершенствования механизма оценки уровня правовой коммуникативной компетенции у граждан-мигрантов. Поэтому представляется, что исследованный автором аспект коммуникативной теории права представляется актуальным в рамках решения теоретико-правовых и прикладных задач современной юриспруденции.

На основании изложенного можно считать, что поставленная соискателем *цель* – разработать на основе коммуникативной теории права концепцию правовой коммуникативной компетенции и предложить инструменты по совершенствованию технико-юридической методики ее оценки – можно считать в целом достигнутой.

В числе наиболее важных положений диссертаций, характеризующих *творческий потенциал* соискателя, а также *значимость* авторских суждений для теории права и государства, следует отметить следующие.

В *главе 1 «Понятие правовой коммуникативной компетенции в коммуникативной теории права»* автор утверждает, что акцентирование позитивным правом нормативных текстов вместо компетенционных способностей индивидов противоречит программе антропологического поворота, востребованного современным этапом развития юридического знания (с.30). В главе сформулировано определение правовой коммуникативной компетенции как «системы знаний индивида, позволяющей ему эффективно использовать язык для понимания и формулирования правовых текстов, а также умение фактически использовать данную систему для правовой коммуникации» (с.33). Утверждается, что предложенное

определение является междисциплинарным, поскольку, с одной стороны, выступает частью коммуникативной теории права, с другой – основано на понятии языковой компетенции (с.33).

Глава 2 «Значение правовой коммуникативной компетенции в правовой коммуникации» указывает на место категории правовой коммуникативной компетенции в системе права. В главе утверждается, что правоспособность лица сама по себе не может быть инструментом коммуникации, она является лишь возможностью осуществления правовой коммуникации (с.45). Автор полагает, что индивид обладает различными уровнями правосубъектности, поэтому «в меньшей или большей степени может являться субъектом права» (с.48). Доказывается, что понятие правосубъектности в компетентностном формате позволяет связать взаимодействие субъекта права с системой права в целом (с.51); что классическое определение правосубъектности как совокупности право- и дееспособности не выдерживает критики с точки зрения постнеклассической науки и коммуникативной теории права (с.51). Поэтому сущность правосубъектности, по мнению автора, заключается в компетенции индивида к правовой коммуникации (52), а дееспособность представляет собой точку, указывающую на минимальный уровень когнитивных способностей лица к правовой коммуникации (с.52). Формальных критериев возраста и психического состояния субъекта недостаточно, чтобы говорить о наличии у индивида способности к правовой коммуникации и, следовательно, правосубъектности, в связи с чем «понятие правосубъектности переходит в понятие достаточной правосубъектности для осуществления того или иного коммуникативного акта» (с.53). Автор убеждает, что общая правосубъектность представляет собой базовый набор знаний и умений индивида, позволяющий ему участвовать в правовой коммуникации, а для приобретения специальной правосубъектности индивиду необходимо еще обладать дополнительными, специальными знаниями и умениями (с.53). Причиной разрыва правовой коммуникации не является отсутствие право- либо дееспособности, таковая причина кроется в различном

восприятию правовой реальности субъектами права (с.57). Понятие правовой коммуникативной компетенции хорошо подходит, как обосновывает исследователь, для измерения эффективности механизма правообразования, которая «определяется способностью индивида к восприятию и знаковой фиксации правовой реальности» (с.58).

Глава 3 «Система лингводидактического тестирования» имеет в целом информационно-обзорный характер, посвящена перечислению нормативных правовых актов и изложению выдержек, имеющих отношение к лингводидактическому тестированию в Российской Федерации и некоторых зарубежных странах. Автор анализирует нормативные тексты на предмет показа их эффективного либо неэффективного действия на практике. Диссертант полагает, что требования о необходимости проведения комплексного экзамена по оценке коммуникативной компетенции иностранных граждан нацелены на сохранение общественной безопасности России, обеспечения межнационального согласия и укрепления национальной идентичности граждан государства (с.78). Соискатель проводит сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства и доказывает, что ряд его нормативных положений полезны для заимствования нашей страной, особенно для сферы миграционного регулирования и практики тестирования мигрантов. В целом эта глава имеет значимость в качестве картины, воспроизводящей особенности педагогико-правового регулирования одной из сфер общественных отношений, а также оценки правосознания иностранцев в контексте их адаптации к культурной жизни России. Данный раздел может восприниматься также как описание совокупности технико-юридических норм, определяющих порядок и механизм деятельности по установлению уровня правовой коммуникативной компетенции, присущий тем субъектам права, которые имеют статус иностранных граждан.

Глава 4 «Проблемы системы лингводидактического тестирования Российской Федерации и пути их решения» отличается методической направленностью и раскрывает особенности технико-юридического

установления (тестирования) уровня сформированных коммуникативных способностей особой категории субъектов права (иностранных граждан) на предмет знания ими русского языка, истории и основ российского законодательства. Автор выделяет ряд подсистем, необходимых для эффективного проведения государственного тестирования: разработку требований к контрольно-измерительным материалам и тестовым материалам, процедуру непосредственного проведения тестирования, проверку, оценку и оглашения результатов, мониторинг качества проведения тестирования. Далее излагаются соображения по поводу совершенствования каждой из подсистем применительно к региональным системам и общей федеральной системе проведения комплексного экзамена в Российской Федерации (с.123 и далее). Соискатель излагает соображения о понятии «государственной услуги в сфере образования» (с.139 и далее), делает вывод о том, что нарушения в содержании требований и порядка проведения комплексного экзамена по установлению уровня коммуникативной компетенции субъектов права чреваты несоблюдением прав иностранных граждан, ростом преступлений коррупционной направленности и экономическими потерями работодателей (с.155 и далее).

Новизна выводов и предложений, отраженных в диссертации, подтверждается фактом отсутствия в литературе аналогичных результатов. Автором дополнена коммуникативная теория права новым аспектом – понятием правовой коммуникативной компетенции, позволяющим измерить способность некоторых субъектов права участвовать в правовых отношениях; сформулирована дефиниция понятия «правовая коммуникативная компетенция»; в качестве самостоятельного показателя правосубъектности наряду с правоспособностью и дееспособностью введено понятие правовой компетентности; показана зависимость реализации права и уровня правовой культуры общества от правовой коммуникативной компетенции индивидов; в качестве совокупности технико-юридических норм и специального механизма

оценки коммуникативной компетенции представлено лингводидактическое тестирование.

Исследование А.А. Парфенова имеет *теоретическую значимость*, поскольку вносит научный вклад в представления о содержании коммуникативного правопонимания; дополняет понятие правосубъектности новым показателем; вводит в систему механизмов правового регулирования лингводидактическое тестирование в качестве практической процедуры измерения уровня способностей граждан быть участниками общественных отношений.

Практическая значимость представленной работы заключается в возможности использования ее результатов в нормотворческой и правоприменительной практиках, реформировании законодательства, совершенствовании образовательных технологий контроля качества знаний, корректировке и оптимизации существующего порядка реализации ряда федеральных законов о положении мигрантов в России.

Оценка обоснованности и достоверности результатов исследования показывает, что работа написана в контексте известного научного знания; развивает положения, высказанные в разное время в трудах специалистов по общей теории права и образовательному праву; отвечает современному юридическому поиску методами, междисциплинарно обобщающими достижения юридических и педагогических наук.

Выводы соискателя обоснованы *ссылками* на источники теоретического и методического характера, использованный материал имеет надлежащим образом оформленные сноски. В диссертации не обнаружены некорректные заимствования.

Личный вклад соискателя состоит в обобщении общетеоретических и прикладных знаний о правовой коммуникации, создании авторской модели правовой коммуникативной компетенции, определении места последней в рамках категории правосубъектности. Представленная работа является самостоятельным, творческим, комплексным исследованием актуальной

проблемы теории права и государства. В содержательном плане подобного рода изучение проведено и монографически оформлено впервые. Личный вклад соискателя выражается также в принятых формах и достаточном объеме представления разработанной темы научному сообществу.

Апробация результатов работы осуществлена диссертантом в формате выступлений на научных конференциях, научных публикациях, внедрения результатов в образовательную деятельность, участия в законопроектных работах Государственной Думы РФ, Совета Федерации РФ, иных структур. Автором опубликовано по теме диссертации 6 (шесть) работ, из них 5 (пять) статей размещены в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для опубликования ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Диссертация соответствует *паспорту специальности* 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, о чем свидетельствует изложенное в ней содержание.

Текст *автореферата* соотносится с содержанием диссертации.

Оформление работы отвечает предъявляемым требованиям.

Вместе с тем, диссертация не лишена отдельных **спорных либо недостаточно аргументированных положений.**

1. Основная группа замечаний и вопросов касается интерпретации автором понятий субъекта права и правосубъектности.

Предлагаемая автором конструкция «субъект права» не всегда позволяет включить ее в существующий аналитический категориальный аппарат современной теории права и юридической практики без нарушения логической связи (своего рода «разрыва научной коммуникации») с другими понятиями и категориями. В частности, устоявшееся представление о «субъекте права» (а к их числу относятся и малолетние, и невменяемые, и юридические лица, и некоторые социальные общности) не согласуется с авторским выводом о том, что «правовая коммуникативная компетенция является неотъемлемой характеристикой субъекта права» (с.170), что «если

индивид по тем или иным причинам (не связанным с его умственно-психическим состоянием) не способен участвовать в правовой коммуникации, то он не может признан субъектом правовых отношений и, следовательно, субъектом права» (с.60).

Кроме того, в работе утверждается, что правосубъектность «закрепляет права и обязанности за конкретными лицами, позволяет возникать разнообразным правоотношениям и придает им необходимую определенность» (с.36); что «индивид может обладать различными уровнями правосубъектности, в меньшей или большей степени являться субъектом права» (с.48); что «сущность правосубъектности есть некая компетенция индивида к правовой коммуникации» (с.52); «индивид, обладающий недостаточной правовой коммуникативной компетенцией для эффективного полноправного участия в правовых отношениях, по существу теряет статус субъекта права» (с.59) и т.п. Однако следует заметить, что подобная трактовка правосубъектности находится в прямом противоречии с устоявшейся и апробированной веками категорией «человек юридический», не основывается на логике и не базируется на каких-либо убедительных аргументах. Можно напомнить, что в традиционном понимании правосубъектность означает, главным образом, факт признания за каждым представителем современного общества статуса быть субъектом права и тем самым – права участвовать в правовых отношениях (что, кстати, не отрицает и коммуникативная теория права). Правосубъектность «не закрепляет права», она юридически «утверждает» (подтверждает) фактический современный статус человека – быть представленным и актуализированным в юридической жизни, т.е. не быть «вещью». Поэтому и правоспособность означает признание за каждым законом или Другим (стороной в общении) в рамках этого статуса свойства быть носителем различных прав. Нельзя быть «немножко человеком (индивидом)» в человеческом обществе, суть которого – в связях и взаимном признании людей. Поэтому нельзя, как утверждает соискатель, «в меньшей или большей степени являться субъектом права» (с.48). В этой связи

высказанные автором суждения не могут быть приняты с аксиологической точки зрения, а также в контексте важнейшего правового принципа, полагающим субъекта творцом права, в конце концов, в аспекте антропологического поворота постклассической науки.

Использование же понятия «правосубъектность» в другом смысле – в качестве технико-юридического средства или родового понятия, объединяющего в единой связке «правоспособность» и «дееспособность» субъектов-участников правоотношений, безусловно, может иметь место в рассуждениях, однако при четком различении содержательных особенностей последних двух. То, что автор пишет относительно коммуникативной компетенции, вполне подходит к характеристикам дееспособности, но никак не правоспособности и, тем более, правосубъектности в целом. Правоспособность, понимаемая в данном смысле, зависит от воли законодателя и юридических фактов, но не от коммуникативных способностей лиц. Дееспособность же (по своему определению) предполагает имманентную способность (компетенцию) субъекта понимать смысл правового текста, опосредующего правоотношение, и в знаковой форме доносить свою волю до Другого, т.е. вступать с ним в правовую коммуникацию. В аспекте раскрытия содержания таковой способности (дееспособности) коммуникативная компетенция вполне может быть принята и поддержана, однако не в контексте правоспособности либо правосубъектности.

В этой связи тезисы автора об «уровнях», «степенях», «достаточности» (с.48,53,59), «эффективности», «корректности» (с.61,62) и проч., которые автор использует для определения содержания правосубъектности в целом, следует сузить и относить лишь к характеристикам дееспособности. В противном случае (при распространении их на «правоспособность» и «правосубъектность») можно прийти к логическому выводу о том, что из правовой сферы нужно исключить, лишить правового статуса абсолютное большинство граждан.

2. В качестве ключевого аспекта правовой коммуникативной компетенции диссертантом определена «способность индивида согласовывать свое поведение с существующими нормами права». «Мыслящий субъект, – пишет автор, – соотносит представляемое поведение с уже существующей системой норм права и делает выбор, основываясь на своем понимании правовой реальности» (с.51). С учётом того, что абсолютное большинство норм права, существующих в правовой системе, остается неизвестным широкому кругу граждан и иных лиц, даже в случае вступления последних в конкретные отношения и частичного знакомства с нормами соответствующего правового института, большая часть правил так и остается скрытой для этих непосредственных участников. Поэтому не вполне соответствует типичной юридической практике представление соискателя о правовой коммуникации как о «процессе согласования поведения индивида с его пониманием норм права и поведением других участников правоотношений в правовой ситуации» (с.31). В большинстве ситуаций рядовой/массовый субъект права соотносит свое поведение не со своим собственным пониманием нормы права, а с той ее интерпретацией, которую предлагает ему применительно к данному случаю профессиональный посредник этой коммуникации (нотариус, адвокат, судья, юрисконсульт, полицейский и т.д.), поскольку в абсолютном большинстве случаев рядовой субъект просто ничего не знает о многочисленных и отличающихся сложной специализацией нормах. В подтверждение можно привести информацию о банке нормативных правовых актов в Российской Федерации. Минюст России по состоянию на октябрь 2020 г. показывает, что в него входит 125 842 акта федерального законодательства, 59 270 нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, 16 191 акт судебной практики, 766 505 нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Поэтому утверждение автора о способности рядового гражданина (и не в меньшей степени юристов) иметь устойчивое представление о действующих

(даже в ограниченной сфере) нормативных регуляторах и включать их в свое поведение на практике остается сомнительным.

3. Регулярно говорится в исследовании о «точности, «полноте», «корректности», «эффективности» коммуникации. Например: «Чем точнее и корректнее осуществляется выбор (т.е. интерпретация, понимание правового текста), тем эффективнее протекает коммуникация, и тем ярче проявляет себя человек в качестве субъекта права» (с.48, а также 61, 62 и др.). При этом не вполне ясным остается, как подобные характеристики вписываются в постклассические представления о принципиальной неопределенности и контекстуальности любых правовых явлений.

4. В разных частях работы имеются положения о том, что правовая коммуникативная компетенция может стать одним из инструментов измерения эффективности не только конкретной правовой коммуникации, но и *всей системы права в целом* (выделено мною – Л.Г.) (с.34, 62 и др.). «На текущий момент, – указывается в работе, – одним из ключевых элементов правовой системы, отвечающим за измерение и поддержание на необходимом уровне правовой коммуникативной компетенции правового сообщества, является система лингводидактического тестирования» (с.10). Такие утверждения представляются явно преувеличенными, поскольку основываются на данных об относительно небольшом круге лиц (мигрантов). Количество последних, а также количество иностранных граждан в целом, находящихся в России, составляет сегодня (по официальным цифрам) не более 10-11%. Каким образом установленная лингводидактическим тестированием коммуникативная компетенция иностранцев (которой, причем, подвергаются не все из них) может обеспечить повышение эффективности действия «всей» правовой системы страны? Тем более, что правовую систему образуют и влияют на ее эффективность далеко не только правовые способности субъектов права. Другое дело, если бы автор представил в своей работе материалы об оценке коммуникативной компетенции более представительного круга лиц (например, школьников, студентов, взрослых

лиц), на формирование способностей к коммуникации которых ориентируют государственные образовательные стандарты (прежние и новые). Поэтому отмеченное суждение автора не представляется должным образом обоснованным и доказанным. Представляется, что имеет место чрезмерная универсализация значения специализированной социальной технологии – лингводидактического тестирования – для всего общества в целом, поскольку этот механизм может являться средством поддержания на необходимом уровне правовой коммуникативной компетенции только для весьма незначительной части общества.

5. Спорным является утверждение автора о том, что «правовая коммуникативная компетенция (способность индивида к правовой коммуникации с другими субъектами права) включает в себя также способность индивида интерпретировать и посредством языка изменять осознаваемую им правовую культуру, выражая правовую норму в виде знаков» (положение на защиту 4, с.12). Очевидно, что изменять правовую культуру, выражая норму в виде знаков, может далеко не любой индивид, а лишь обладающий достаточным социальным авторитетом и символическим капиталом – «правом номинации», т.е. представитель референтной группы/элиты, производящей селекцию правовых инноваций. Именно последние качества, а не только и не столько развитая коммуникативная компетенция, позволяют тем или иным субъектам влиять на правовую культуру общества.

Однако вышеизложенные замечания и поставленные вопросы носят характер уточняющий, частный или дискуссионный относительно основного содержания и направленности работы, поэтому они не влияют на положительную оценку выполненного исследования в целом.

Таким образом, представленная диссертация на тему «Правовая коммуникативная компетенция как содержание правосубъектности» отвечает критериям самостоятельности, внутреннего единства и личного вклада соискателя, является научно-квалификационной работой, в которой

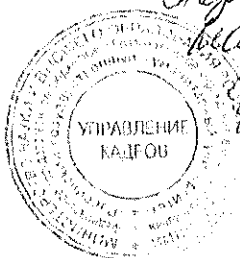
содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития теории права и государства. Поэтому можно сделать вывод, что настоящая работа соответствует требованиям, предъявляемым пп. 9-11, 13-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 (с изм. и доп.), а ее автор **Парфенов Арсений Андреевич** заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Текст отзыва составлен Глухаревой Л.И., доктором юридических наук, доцентом, заведующей кафедрой теории права и сравнительного правоведения юридического факультета РГГУ, обсужден и принят на заседании кафедры теории права и сравнительного правоведения юридического факультета РГГУ 23 ноября 2020 г. протокол № 4.

Доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения
юридического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет» (ФГБОУ ВО РГГУ)
12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и
государстве

Л.И. Глухарева
25 ноября 2020 г.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный гуманитарный
университет» (ФГБОУ ВО РГГУ).
Миусская пл., д.6, Москва, ГСП-3, 125993,
Тел: +7(495) 250-61-18; e-mail: rsuh@rsuh.ru;

Парфенов Арсений Андреевич
качественник
Управление кадров
Упр. Численков А.А.
26.11.2020

